

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
книга I. Мистицизм.....	15
О Псевдо-Дионисии Ареопагите и мистическом пути непознания	16
§ I.....	16
§ II	21
§ III.....	27
§ IV.....	29
Примечание о практике в этой книге	29
Первая спираль.....	30
Вариант I	31
Вариант II.....	32
Вариант III	32
Самая смелая операция: сердечная молитва.....	34
§ I.....	34
§ II	35
§ III.....	44
§ IV.....	51
§ V	59
§ VI.....	66
Упражнение 1.....	67
Упражнение 2.....	69
Находясь в обоих мирах одновременно.....	72
§ I.....	72
§ II	73
§ III.....	80
§ IV.....	86
Тридцать пять пороков и добродетелей LIBER VITAE MERITORUM (1163).....	92
§ V	109
Упражнение	109

Интермеццо. «GRANUM SINAPIS»	113
§ I.....	113
Упражнение 1	113
Упражнение 2	114
Упражнение 3.....	114
§ II.....	115
§ III.....	123
Упражнения	123
Theologia Germanica.....	126
§ I.....	126
§ II	129
Культурные полярности раннего и позднего Средневековья	138
§ III.....	139
§ IV.....	156
§ V	161
Упражнение 1.....	161
Упражнение 2.....	162
Упражнение 3.....	163
Упражнение 4.....	164
книга II. Магия	165
Зов.....	166
§ I.....	166
§ II	170
§ III.....	173
Олимпийский дух	180
§ IV.....	180
Версии семнадцатого века.....	181
Версии восемнадцатого века	181
Версии девятнадцатого века	182
Версии двадцатого века	182
Магические наставления Парацельса, или ARCANUM ARCANORUM.....	183
§ V.....	190
Анализ ритуала	190

1. ТЕКСТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ	190
2. АСТРО-АЛХИМИЧЕСКИЕ ИНСТРУКЦИИ	195
Благоприятное время.....	195
Положения планет	197
Положения планет (исправлено)	200
Настойка	200
Четвертая статья	202
О ключе от Розового сада	202
Алхимический перевод	204
Божественные имена	208
Ритуальные колокольчики и божественные имена	210
Олимпийские духи	217
Парадокс олимпийских духов	217
Примеры парадоксов олимпийских духов в «Арбателе».....	222
Раскрываем тайну олимпийских духов.....	225
Источники Парацельса об олимпийском духе / Парацельсовская магия.....	229
Четыре астрономические системы в соответствии с философской мудростью Парацельса	240
Inferorum.....	240
Naturalis Astronomia	240
Olympi Novi	240
Supera	240
Astromomiae	240
Ритуал олимпийского духа.....	258
§ VI	258
§ VII	267
Ритуал.....	267
Проходя через Врата.....	268
Контакт с олимпийскими духами	270
Библиография	277

Бог повсюду. Он виден тем, кто видит благодаря свету, исходящему от его прекрасного лица. Он впереди, а все люди следуют за ним, держась за его руку.

Те друзья Божьи, кто идет позади, а также те, кто идет впереди, сообщали о прибытии в пункт назначения.

Когда они обретут самосознание, подобное Адаму, они могут поведать новости о Знающем и о том, что Ему известно.

Один из них нырнул в океан Единства и сказал: «Я есмь Истина».

Другой плыл в лодке по тому же океану и рассказал о том, как далеко он был от берега.

Один смотрит на окружающий мир и говорит о суше, собирая ракушки, а другой ныряет в океан и достает жемчужину.

Один начинает говорить о деталях вещей, и о том, как они выглядят и функционируют, а Другой начинает рассказывать о Вечном, а затем о существах, которые живут и умирают.

Кто-то говорит о длинных завитках волос, о ее красоте, об изгибе бровей, о любимом человеке в тусклом свете свечей, передавая бокал вина.

Другой говорит только о себе и о своем мнении.

А кто-то погружается в любовные идиллии, отождествляя себя с монашеской веревкой на поясе.

Каждый из них говорит на родном языке, на том уровне, которого он достиг, и трудно понять, что он говорит.

Вы, искатель понимания, должны стремиться постичь смысл того, что они говорят.

Шейх Махмуд Шабистари,
Гульшан-и-Раз,
1317 год нашей эры

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга была написана для всех нас, ищущих понимания. Семьсот лет назад один из самых известных суфийских мистиков XIV века обратился к нам с вышеупомянутым обращением в словах, которые остаются непреходящими, и важными даже по сей день. Наше восприятие божественности столь же индивидуально, как и получаемое от него знание. Как человеческие существа, мы все живем внутри жемчужины из миллиона лучей, каждый из нас отражает определенный нюанс или оттенок божественного света, и все же никто из нас не видит его во всем его нетварном потенциале.

В этом мире, где каждый из нас обладает уникальной частичкой истины, поспешные суждения – враг мудрости: один из нас ощущает божественность в океане, другой – в собирании ракушек, третий – в пряди волос, и каждый в соответствии со своими взглядами. Однако, как человеческие существа, мы не являемся пассивными получателями такого опыта; мы являемся сотворцами наших встреч с божественным. Соответственно, и особенно как адепты магического искусства, мы обладаем как привилегией, так и важностью, постоянно менять свою точку зрения, расширять наше видение этого жестокого и прекрасного мира и многообразия проявлений божественности в нем. Тем, кто искренне стремится к мудрости и личностной эволюции, лучше всего питать здоровое недоверие к тому, что, как нам кажется, мы знаем, и к тому, кем мы себя считаем.

Именно в таком смысле была задумана эта книга, как третий и заключительный том цикла «Священный даймон». Его методология бросает вызов общепринятым источникам изучения Западной магии и отличается от них. Таким образом, в первой части этой книги мы услышим некоторые из самых антагонистичных голосов, которые только может себе представить западный маг: от отцов-пустынников до исихастов и Симеона Богослова,

от Granum Sinapis до Theologia Germanica. Начиная от первых веков нашей эры до позднего средневековья, мы совершим турне по обширному царству христианского мистицизма.

Мы быстро придем к пониманию не только внутреннего мира, которого, возможно, мы не ожидали, но и, что более важно, еретических обвинений и напряженности, звучащих в каждом из этих голосов. В конечном счете, источник столь сильной враждебности в нашей общей истории кроется не в различиях в восприятии божественного одним человеком в отличие от другого, а в вечно противоборствующих силах между любым непосредственным ощущением божественности и всеми формами организованной духовной ортодоксии. Истинный мистик, как и истинный маг, независимо от того, придерживается ли он египетской, еврейской, христианской, мусульманской или любой другой парадигмы, всегда будет восприниматься как угроза организованным духовным институтам.

Западные мистики и маги, независимо от времени и контекста, в котором они живут, и независимо от того, как их практики могут показаться противоречивыми, но их объединяет одно: антисоциальный дух первобытных гоэтов. Все наши предки, прошедшие этот путь, были тружениками-одиночками, будь то в пустынях, в своих кельях или в своих сообществах, идя по своей собственной версии узкой тропы. И при этом сам их образ жизни представлял угрозу для любой кодифицированной, опосредованной и упорядоченной формы духовности, представленной крупнейшими церквями и институциональными орденами. Стоять в полный рост в одиночестве и смотреть ангелам в глаза – это то, что высасывает кислород из любой вторичной встречи с божественностью. Именно в этом непосредственном восприятии духа мы объединяемся как святые еретики.

В первой половине этой книги мы узнаем о существенной важности того, что христианские мистики стали называть сердечным пространством или сердечным пламенем. Согласно древнегреческому пониманию того, что эмоции находятся внутри человека, на протяжении тысячелетий человеческое сердце

было известно не только как трон мудрости внутри человека, но, что более важно, как настоящая трещина между человеческим и божественным миром, из которой проникает свет. Поэтому каждая глава заканчивается простыми инструкциями о том, как приблизиться к пространству вашего собственного сердца, как ориентироваться в этой сложной внутренней сфере и как в конечном итоге настроить ее на конкретного духа (духов), с которыми вы собираетесь работать. Поскольку вторая половина книги строится на этих принципах, я бы не советовал забегать вперед и углубляться в раздел, озаглавленный как «МАГИЯ».

Вопреки распространенному мнению, практика продвинутой магии должна не предшествовать, а следовать за периодами интенсивных мистических тренировок. Я надеюсь, что в первой половине этой книги, а особенно в главах V и VI, вы примете к сведению многочисленные практические доводы в пользу этого утверждения. В заключительном разделе я предлагаю восстановленную версию аутентичного ритуала, который долгое время считался утраченным. Это связано с магическим действием, на которое ссылается знаменитый Арбателъ, и его лучше всего рассматривать как форму крещения духом и живым присутствием космоса. Парацельс, автор более ранней версии этого обряда, называл его актом восстановления олимпийского духа в человеке.

Поэтому я говорю вам, каббалистам и естествоиспытателям, или всем магам [...], усвоить первые три каббалистических принципа: просите, ищите, стучитесь к Богу, если вы хотите иметь при себе святого Духа (который дается каждому от рождения Богом-Творцом, чтобы учить и направлять людей во всякой мудрости, искусстве и истинной блаженной жизни) и [если вы хотите иметь возможность] общаться со своим Гением. Ни один слуга не может быть предоставлен вам в распоряжение без разрешения вашего сердца и без соблюдения евангельских заповедей; согласно заповедям, или Ново-Олимпийским канонам, верующие обладают большей справедливостью и свободой, чем те, кто в Ветхом Завете говорил с Богом не напрямую, а через духов: мы,

однако, не хотим слышать информацию только от духов, но мы хотим слышать непосредственно от Бога, потому что Он есть у нас внутри нас через наше послушание Богу.¹

Прежде чем мы попытаемся подняться на вершину этого Нового Олимпа, нам предстоит проделать большую работу. Точно так же, как Икар пал в своем полете к Солнцу, мы можем легко пасть, пытаясь встать среди ангелов. Ибо мы встречаемся с божественностью не как Джек и Джилл, имена которых превращаются в камень у лунных врат, и не как сестры и братья, титулы которых тают, как воск, по мере нашего восхождения. Вместо этого мы сами сталкиваемся с божественностью как божественные искры, частицы света, обращенные к Солнцу, связанные своим происхождением с Абсолютом.

В этом смысле мы едины со всеми остальными людьми; едины с теми, кто жил до нас, и едины с теми, кто придет после нас. В глазах Божества мы все едины: одна рука, одно сердце, одна ветвь. И только в этом облике, безымянном, за исключением названия нашего вида, мы окажемся среди ангелов.

Но давайте не будем заблуждаться: мы делаем следующий вдох, делаем шаг назад и снова становимся волками, свиньями и зайцами. И наоборот, если мы задерживаем дыхание слишком надолго или делаем еще один шаг к свету, то мы мертвы. Ибо таково состояние человека: участвовать во всем, от божественности до тьмы, и никогда не быть чем-то одним. Для нас это предначертано судьбой, потому что это та же рука природы, которая дает первый вдох нашим детям и забирает у них последний, хотя мы надеемся, что впереди нас ждет богатая жизнь. Мы принимаем участие во всем этом, но, тем не менее, можем выбрать узкий путь и синтезировать олимпийский дух из открытого небосвода внутри себя.

Этот узкий путь, о котором мы еще узнаем, надежно ведет нас среди ловушек высокомерия и неуверенности в себе, эго-

¹ Astronomia Olympi novi.

центризма и чувства вины, жесткости и инертности. Найти свой собственный путь, ведущий от могил наших предков, – задача всей нашей жизни.

Все, что мы создадим на его основе, будет прекрасным гибридом, наполовину нашим собственным творением, наполовину наследием тех, кто шел до нас. Однако сама природа этого пути не изменилась.

На протяжении тысячелетий наш вид пытался идти по нему: дышать в обоих мирах одновременно, одной ногой пребывая в божественности, другой – в обыденном мире, одним глазом смотря на Вечность, а другим – на лицо нашего соседа; и вот, проявив мужество Прометея и мягкость Клементины, необходимо сделать шаг вперед и жить достойной жизнью.

Я прекрасно понимаю, что поиск такого пути среди людей, которые на протяжении веков пытались узурпировать и контролировать, а также деформировать и уничтожить Западную магическую традицию, – это большая задача. Отправляясь в такую экспедицию, чтобы найти узкую тропинку, мы скоро будем ползти по костям, крови и пеплу наших предков.

И в то же время мы столкнемся с красотой и подлинной практикой, истинной грацией и глубокой духовной силой.

Попытка взглянуть на мир глазами христианских мистиков разных веков – это попытка раздуть пламя, которое они несли в себе. И все же, когда я оказываюсь на их месте, мое сердце наполняется диссонансом и напряжением, ибо, как мне кажется, они несли в себе и свет, и тень: одной рукой они держали пламя, а другой цеплялись за тьму.

Странно, но чем дальше мы уходим в прошлое, тем больше, кажется, нарастает напряжение. К тому времени, когда мы попадаем в первые века христианства, оно становится невыносимым. Возможно, это происходит потому, что настоящие, сложные человеческие существа исчезли за завесой времени, протекающей между нами, и все, что мы слышим сейчас, – это эхо их слов. Или, возможно, трудность заключается в фанатичном экстремизме,

которым руководствовались отцы египетской пустыни, который сам по себе является магическим мечом, извлеченным из ножен. Так же легко, как он рассекает завесы мира, он рассекает и то, что делает нас людьми.

В любом случае, знакомство с мощными техниками, практиковавшимися нашими предками, означает погружение в их образ мыслей, жизнь и работы, что всегда сопряжено с риском забыть о том, где находимся мы сами.

Попытка рассмотреть, например, взгляды Оригена на Иисуса Христа не с точки зрения того, как мы оцениваем это сегодня, а с точки зрения того, как Ориген воспринимал это в свое время, требует опыта антрополога.

Как Ориген представлял себе мир?

Что, с его точки зрения, представляло собой единство?

Как ему удалось заложить основы того, что впоследствии стало одной из самых мощных духовных парадигм в мире?

Чтобы по-настоящему встретиться с Иными, мы должны оставить позади наши собственные ценности и фильтры, что влечет за собой риск для целостности личности.

Это подводит нас к вопросу о том, кто является целевой аудиторией этой книги. По крайней мере, на этот вопрос у меня есть четкий ответ: она для вас. Мы с тобой, читатель, отправимся в эту экспедицию вместе, путешествуя от могилы к могиле, из страны в страну, из века в век.

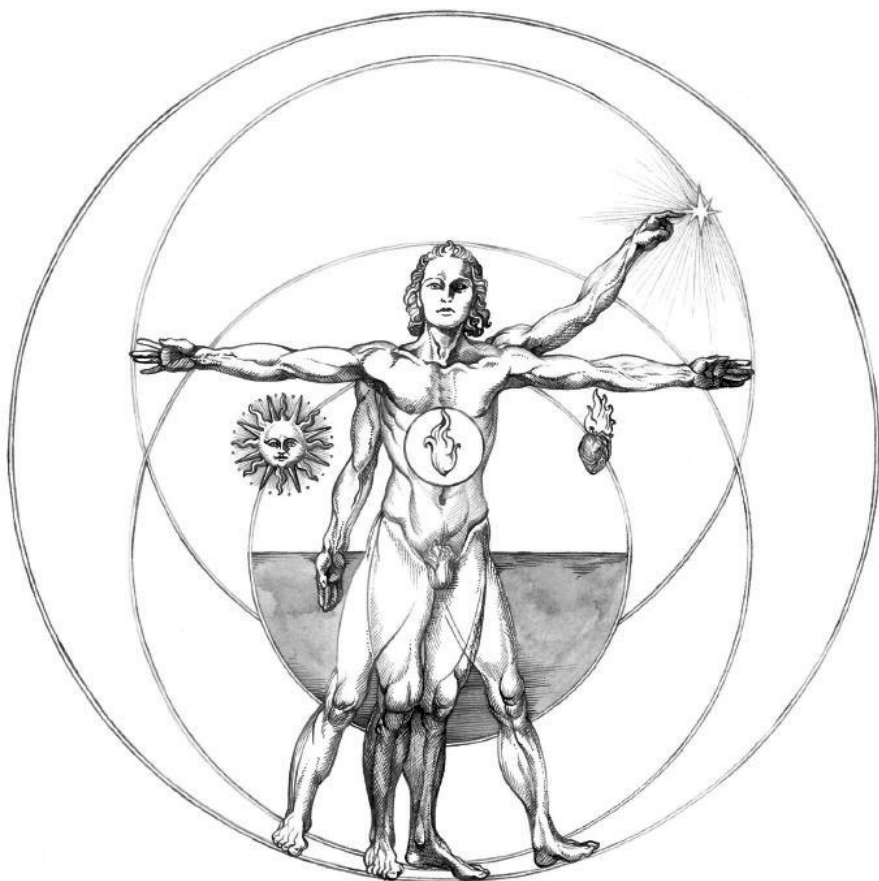
Нам предстоит действительно долгое путешествие, далеко в чужие края, с риском не вернуться теми, кем мы когда-то были, потому что видение глазами Иного, стремление к пониманию меняет нас – и меняет все вокруг.

Итак, я предполагаю, что в этой экспедиции мы оба обладаем определенными необходимыми навыками путешествия: охотно вкладывать свои сердца в безмолвное пространство без осуждения; понимать Иного таким, какой он есть, вместо того, чтобы видеть в нем наши собственные проекции (будь то страхи или

желания); и в нашем стремлении к открытиям, к тому, чтобы положить на весы то, что нам дорого, не зная, к чему это нас приведет. Однако больше всего я доверяю вашей способности воспринимать негативные тенденции в своем собственном сознании, то есть удерживать противоречивые истины перед мысленным взором и не закрывать глаза ни на одну из них.

Испытайте когнитивный и духовный диссонанс в стремлении развить свою способность бороться с миром, который полностью превосходит ваши возможности его постижения.

Короче говоря, я верю, что мы оба проявим себя как адепты с желанием учиться, потому что стремление к пониманию – самое опасное занятие. Этому учат все магические книги от Соломона до Фауста.

КНИГА I

МИСТИЦИЗМ

*

*

*

О ПСЕВДО-ДИОНИСИИ АРЕОПАГИТЕ И МИСТИЧЕСКОМ ПУТИ НЕПОЗНАНИЯ

6 I

ТОНКАЯ ЛИНИЯ проступает из темного облака черных чернил. Огромное чернильное пятно символизирует нашу обширную и древнюю дохристианскую историю, сформированную треугольным созвездием древнеегипетских мистерий, еврейским мистицизмом Меркабы и гораздо более молодым влиянием теургического неоплатонизма. Большинство христианских ученых утверждают, что зарождение тонкого, хрупкого направления западного мистицизма началось с малоизвестного автора, которого мы теперь знаем как Псевдо-Дионисия Ареопагита. То, что он по сей день остается загадкой, никак не умаляет влияния его трудов на развитие западного мистицизма с конца пятого века нашей эры.

Следующий отрывок взят из «Мистической теологии Ареопагита»:

Веди нас к той высочайшей высоте мистического знания, которое превосходит свет и является чем-то большим, чем знание, где простые, абсолютные и неизменные тайны небесной Истины сокрыты в ослепительном мраке тайного Безмолвия, затмевая все великолепие интенсивностью своей тьмы и наполняя наш ослепленный разум совершенно неосознаваемой, невидимой чистотой славы, превосходящей всякую красоту! Такова моя молитва.

Как уже упоминалось, точный исторический контекст, в котором возникли труды Ареопагита, остается неясным из-за радикальных изменений в древнем мире, перемещения центра мировой и духовной власти из Рима в Византию и одновременного и часто насильственного сосуществования позднего язычества и

раннего христианства. Из этой бурлящей атмосферы возникает свод магических практик, известный сегодня как Греческие Магические Папирусы, а также труды Ареопагита, которые стали краеугольными камнями в фундаменте христианского мистицизма, развивавшегося в течение последующих 1600 лет вплоть до наших дней. В своих влиятельных трактатах Ареопагит применил простую, но весьма эффективную уловку: он позиционировал христианский мистицизм, как, по сути, прикладной неоплатонизм¹. Вместо того чтобы противопоставлять две духовные традиции друг другу, он сумел интегрировать основные аспекты неоплатонизма в молодую христианскую космологию, и это в то время, когда христианская истина все еще вызывала горячие споры, а мышление большинства людей опиралось на первоначальные основы классической философии, в частности Платона и Аристотеля.

Тремя основными аспектами неоплатонизма, которые Ареопагит привнес в раннехристианскую мысль, были: (1) космологическая теория эманации, (2) взаимосвязь символа (т.е. формы или облика) и символизируемого (т.е. силы или существа) и, что наиболее существенно, (3) важность молитвенных гимнов как прямой путь к божественному. В отличие от платонической традиции, Ареопагит оспаривал представление о том, что божественное озарение (гнозис) доступно только рационально-познавательному разуму. Вместо этого, утверждал он, именно духовное участие или непосредственный опыт позволяют нам соприкоснуться с Божественностью. Глубокое погружение в состояние молитвы позволяет человеку вырваться за пределы бренного тела и познавательного разума и приобщиться – пусть даже на короткое время – к трансцендентному духовному царству бесформенной божественности. Это привело к тому, что значительная часть неоплатонической практики проникла в раннее христианство, и рассматривалось не как проблема, а скорее, как усиление зарождающейся веры².

¹ Леппин, стр. 26.

² Леппин, стр. 30.